

МЕНТАЛЬНЫЕ МИРЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ)

**Борис Фирсов, доктор философских наук
главный научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Первая статья под указанным выше заголовком была опубликована «Телескопом» в 2003 г. Ее тема — новая концепция изучения ментальности (1). Там же, а следом еще в одной публикации журнала «Телескоп» 2004 г., я попытался встроить феномен ментальности в процесс изучения современной России (2). Третья, итоговая статья посвящается результатам индивидуального проекта «Ментальные миры современного российского населения», поддержанного фондом Дж.Д. и Катрин Т. Макаруров (грант № 04-81346-000-GSS).

Вступительное замечание

Основная исследовательская проблема проекта связана с ментальностью современного российского населения, рассматриваемой под углом ее соответствия (несоответствия) императивам развития реформируемой России. В другом выражении речь идет об интеллектуальных, духовных потенциях россиян, их способности выдерживать нагрузки исторического развития и социальных изменений, о ресурсах человеческих возможностей для преодоления кризисных ситуаций. Ментальность в таких случаях может выступать как макросоциальный индикатор состояния умов различных слоев общества.

Целей проекта четыре. Первая — может быть определена как теоретико-методологическая. Вторая цель — экспертиза свойств российской ментальности, обусловленных срывами эволюционного развития страны в истекшем столетии. Третья цель — дискурсивный анализ исторических корней гибридной ментальности. Четвертая цель — модель эмпирического исследования ментальных миров современного российского населения.

Методическая часть

Основным методом сбора эмпирической информации был опрос экспертов. С этой целью я разработал программу (план) экспертного интервью. В отличие от общепринятых правил, было решено дополнить план интервью комментариями, адресованными экспертам. Комментарии, подчеркнуто это особо, резюмировали картину моих представлений о ментальности и способах ее изучения и этим, как мне кажется, помогли обеспечить определенный интеллектуальный комфорт при выражении экспертами своих мнений, взглядов и оценок. Для приближения интервью к диалогу я предпослал каждому конкретному вопросу краткие тезисы с отсылками к соответствующим разделам комментариев.

Эти приемы оказались весьма полезными при изменении технологии сбора первичной информации. Из 25 запланированных интервью только 3 являются коммуникацией *лицом к лицу*. Остальные осуществлялись *путем дистанционного диалога между автором проекта и экспертами с помощью E-mail*. Сроки получения ответов были гибкими и устанавливались на основе взаимных соглашений сторон. Процесс составления ответов мог занимать несколько недель. При этом автор имел возможность для неоднократных обращений с целью уточнения отдельных позиций экспертов и получения дополнительной информации.

Конструирование выборки экспертов опиралось на несколько принципов. Первый из них состоял в том, чтобы обеспечить междисциплинарность исследования путем включения в выборку представителей различных

наук. Второй принцип был связан с необходимостью сочетать экспертизу российской ментальности «изнутри» с экспертизой «извне». Различение «своего» и «чужого» одна из важнейших функций ментальности, тем более что «своя» ментальность обретает рельефность только на фоне «чужой», с носителями которой у нее могут быть далеко не простые (например, отстраненные, конфликтные) отношения. К тому же, мысли индивида о собственной ментальности часто вербализуются с трудом. Не отрицая важности и глубины саморефлексии, выскажу еще один аргумент в пользу наблюдений ментальности со стороны. Давно замечено, например, что у народов, как и отдельных людей, выдающимися достоинствами часто оказываются не те, которые они любят себе приписывать. Слишком настойчивое подчеркивание этих черт может порождать настроения и чувства национальной исключительности. Я учел, что многие черты «русскости» («российскости») не раз подмечались людьми, которые могли посмотреть на Россию со стороны (русские эмигранты, зарубежные исследователи-русисты, дипломаты, журналисты). Так возникла идея составить выборку из российских и зарубежных экспертов, обеспечив примерно равенство долей «своих» (эксперты-инсайдеры) и «чужих» (эксперты-аутсайдеры). В соответствии с третьим принципом я включил в выборку экспертов из числа молодых российских ученых (выпускников ЕУСПб), памятуя о том, что ментальности различных поколений не могут не различаться между собой по определению. Все это помогло обеспечить ощутимую дифференциацию, значимый разброс мнений экспертов.

Подчеркну еще раз роль экспертизы в структуре проекта. Его содержательная функция состоит в том, чтобы подтвердить (или опровергнуть) *общую схему анализа ментальности*, разработанную автором и представленную в публикациях по теме проекта. Экспликация этой схемы в форме «Комментариев к теме проекта», может рассматриваться как *версия* Программы экспертного опроса.

Объектом исследования на базе экспертного опроса являются мнения экспертов о *ментальности россиян* как целостном социально-культурном феномене, психологической константе людей, объединяемых посредством общей (русскоязычной) культуры. *Предмет* исследования — мнения экспертов о свойствах *современной* российской ментальности и *путях ее эмпирического изучения*

Приведу список ученых, к которым я обратился с просьбой принять участие в экспертном опросе:

1. А. Байбури — профессор, доктор исторических наук (Европейский университет в Санкт-Петербурге)
2. Б. Вульфвич — профессор, доктор технических наук (проживает в США)
3. Е. Голынкина (E. Golyunkina) — психотерапевт (Великобритания)
4. Ю. Гроноу (J. Gronow) — PhD, профессор социологии (университет Уппсала, Швеция)
5. И. де Мадариага (Isabel de Madariaga) — член Британской Академии (FBA), историк и литератор (Великобритания)
6. Б. Докторов — профессор, доктор философских наук, независимый исследователь (проживает в США)
7. Л. Дробужева — профессор, доктор исторических наук (Институт социологии РАН, Москва)

8. Д. Дубровский — старший научный сотрудник (Европейский университет в Санкт-Петербурге)
9. А. Здравомыслов — доктор философских наук, профессор (Институт социологии РАН, Москва)
10. К. Келли (C. Kelly) — D.Phil, профессор русистики (Оксфордский университет, Великобритания)
11. **О. Кен** — доктор исторических наук, профессор (СПб государственный педагогический университет)
12. Л. Кесельман — независимый исследователь-социолог (проживает в Германии)
13. Ж. Кормина — кандидат исторических наук, заведующая кафедрой гуманитарных наук (СПб филиал Высшей школы экономики)
14. Б. Ланин — доктор культурологических наук, профессор (Всероссийская государственная налоговая академия, Москва)
15. Д. Ливен (D. Lieven) — PhD, профессор русской истории (Оксфордский университет, Великобритания)
16. Е. Мельникова — кандидат исторических наук, научный сотрудник (Центр устной истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге)
17. Ж. Нива (G. Nivat) — профессор русистики (Франция)
18. Н. Печерская — кандидат социологических наук, преподаватель (СПб филиал Высшей школы экономики)
19. Ч. Поревский (C. Porebski) — PhD, политолог (Польша)
20. М. Соколов — кандидат социологических наук, преподаватель (факультет политических наук и социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге)
21. П. Тамаш (P. Tamas) — профессор, директор (Институт социологии Венгерской академии наук, Будапешт)
22. С. Чуйкина — кандидат социологических наук, научный сотрудник, (Центр независимых социологических исследований, Санкт-Петербург)
23. Д. Шалин (D. Shalin) — PhD, профессор социологии (университет штата Невада в Лас-Вегасе, США)
24. В. Шляпентох (V. Shlapentokh) — PhD, профессор социологии (университет штата Мичиган, США)
25. В. Ядов — доктор философских наук, профессор (Институт социологии РАН, Москва)

Описание полученных научных результатов

Примечание: Описание результатов опирается на суждения всех специалистов, составивших выборку, включая и тех (2 человека), кто отказался от роли экспертов, но, тем не менее, прислал свои критические замечания на программу и методику экспертного опроса. Тексты их ответов выделены курсивом и во многих случаях приводятся с сокращениями.

1. Эксперты о дефиниции ментальности (вопросы 1-5)

В1-1. Ментальность отражает самопонимание человека (группы). Другим близким по смыслу будет определение ментальности как картины мира в голове людей. Позволяют ли эти дефиниции, предложенные автором проекта, эмпирически (на базе достоверных и верифицируемых фактов) изучать феномен ментальности?

Ядро экспертов не опровергло этих дефиниций. По всей видимости, речь должна идти о «списке» самых стабильных структур сознания, инвариант, факторов [Б. Докторов].

Гораздо легче изучать ментальность на первом уровне (самопонимание человека), чем на втором (ментальность как «картина мира»). Первое представляет собой разыгрывание самого себя в общественном контексте, второе — некое скрытое и «дологическое», «семиотическое» явление. Значение «картин мира» и даже их характер в самом широком смысле могут быть неясными для самого носителя культуры. К тому же, анализу картины мира всегда мешают собственные «картины» этого мира (то, что незнакомо, может быть просто непонятым, или вызывать эмоциональную реакцию, например, враждебность, восхищение и т.д.). Тем не менее, вопрос о ментальных картинах мира крайне интересен, но, если исследовать эту сторону, то надо примириться с тем, что полностью верифицируемыми данные не будут получены [К. Келли].

Вопрос состоит в поиске свидетельств существования российской ментальности на основе операционализации выбранных понятий. *Вы исходите из того, что ментальность есть, но не ссылаетесь на эмпирические доказательства. А я не знаю, есть ли она. Может быть, феномена ментальности нет? Почему в таком случае ее надо изучать?* [Е. Мельникова]. *Как специалист, сложившийся под влиянием позитивистской этнографии, я хочу понять, где находятся структуры, в границах которых существует это неуловимое «нечто» (ментальность)* [Ж. Кормина].

Критический взгляд был высказан еще одним экспертом. *Трактовки ментальности, предложенные автором проекта, работают в определенном социальном пространстве и в границах этого пространства способны дать конструктивные ответы на поставленные проблемы (например, при изучении особой группы работников или для определения причин различной эффективности земледелия на островах Тихого океана). Однако в более широком смысле такие трактовки не представляются свежими и сильными средствами анализа. Не выступает ли таким образом «ментальность» синонимом и способом «размножения» других понятий?* [О.Кен].

Критерием истины в этом споре является исследовательская практика. Работа над понятием требует продолжения. И ее активно начали сами эксперты.

В1-2. Попытки определения ментальности экспертами.

Ментальность лежит в совокупности инвариант массового сознания, она — «нечто», осколки чего обнаруживаются почти в каждом индивидуальном сознании. Ментальность — высшая переменная в иерархии латентных детерминант сознания. О ней можно говорить применительно к нации, национальности при социокультурном определении [Б. Докторов].

Для меня понятие «ментальность» связано не столько с представлением о том, «кто я есть», сколько с поведением в определенных ситуациях: например, в повторяющихся ситуациях выбора приоритетов, цели, а также во множестве менее значимых жизненных ситуаций. Ментальность — это типичный, повторяющийся алгоритм поведения человека в типичных ситуациях [Б. Ланин].

Более радикальную точку зрения заявил О.Кен. *Под ментальностью понимаются устойчивые (или даже инвариантные) способы интерпретации социального в доминирующей культуре, присущие этой культуре структурирование общественного поля, логика и аксиология. «Петр I», например, для современной российской ментальности является общепризнанным позитивным символом. Можно взмахом цитировать Ключевского и при этом сохранять неотторжимость от совокупности представлений, воплощенных в феномене «Петр I». Это и есть, ментальность — инвариант-*

ная данность, способная уничтожить или ассимилировать всякое сопротивление этой данности — политическое, нравственное, эстетическое.

Известный компромисс предложил эксперт-«агностик» [Ж. Кормина]: О ментальности, может быть, стоит говорить, как о воображаемом, которое присваивается для репрезентации себя другим. В любом случае сегодня это больше философская категория, чем, например, социологическая. К ней я не прибегала, хотя и читала Броделя. В приложении к большому сообществу и для очерчивания его границ понятие выполняет ту же функцию, что и культура, оставаясь очень широким.

В2. К исклому понятию «ментальность» примыкает ряд сопутствующих (родственных?) определений, которые помогают восполнить вакуум представленной о ментальности: National Identity (национальная идентичность), National Character (национальный характер), Soul (душа), Russianness (русскость), National Idea (национальная идея). Каков вклад каждого из понятий-спутников в общее дело изучения ментальности?

Приведу сначала сконструированный мной модальный ответ «среднего» эксперта: Наиболее близкое к понятию ментальности — национальная идентичность. Национальный характер и национальная идея будут лишь составляющими этой идентичности. Про душу «средний» эксперт, скорее всего, скажет: «Не знаю». Русскость — самое непонятное, не в смысле феноменологии, а в смысле существования.

Естественно, что отдельные высказывания не будут во всем совпадать с модальным. Ментальность — компонент идентичности. «Русскость» это национальный идентитет у русских. Научное ли это понятие — пока неизвестно. «Национальная идея», «Душа» (или «Дух», Geist), а также «Национальный характер» — так называемые vernacular категории. Можно с пользой обсуждать, что понимают русские под словом «Душа» (Soul), но дискуссия о том, какой национальный характер у русских, обыкновенно ведет к банальностям и стереотипизации. Термин 'Soul' всегда был чужд англоязычной науке, его употребляют как категорию самой русской жизни. «Национальная идея» употребляется в «пересказах» другого уровня, где резюмируют не поверья и народную мистику, а идеологию. Наиболее общие (и ходячие в современной англоязычной литературе) — национальный идентитет и русскость. Последнее является как бы специфическим вариантом первого [К. Келли].

Я отношусь с большим подозрением к таким понятиям как национальный характер и национальная идея. Я вижу за этими довольно устойчивыми выражениями опасность национализма, антисемитизма, опасность, которой не избежит умный человек, случись ему пользоваться этими словами для воплощения каких-то хороших идей, целей. В любом случае он быстро окажется в руках политиков, а его благие намерения превратятся в мрачные тени. Потому я не верю и в русскую душу [Ж. Кормина].

Приму за вывод точку зрения О.Кена. В его понимании, понятия-спутники во многом принадлежат прошлому — тем временам, когда социальное знание было гораздо более интуитивно и интегрировано в более художественную картину. Это времена Гердера. В ситуации социального конструирования эти понятия становятся операциональными и потому общественно опасными. Фактически они представляют готовые идеологические заготовки, которые могут быть использованы совершенно произвольно. С другой стороны, понятия вроде «русскость» консервируют ментальные черты, придавая им неотрывность от русской культуры и тем самым сводят ее богатство к набору черт, лишают внут-

ренней динамики. По большому счету, это возвращает нас к временам до рождества Христова, когда мир состоял из племен, а не из людей.

В3-1. Содержится ли истина в суждениях наших предшественников о непроницаемости русской души, эзотерических особенностях русского склада мышления и его стихии, о неподатливости рационально-логическому упорядочиванию, алогичности и других загадочных и ускользающих от рационального ума чертах?

Едва ли не за всех экспертов и автора проекта ответит Б. Ланин: Нет! Появление этих суждений связано с тем, что в 19 веке русская литература стала наиболее активным исследователем человеческой психологии. Что и понятно — речь идет о дофрейдовской эпохе изучения человека. Это было одно из первых в новой истории интуитивное прикосновение к загадочности человеческого поведения и к его непредсказуемости. Объектом писательского исследования был именно русский человек — так утвердилась «загадка русской души», прежде предложенная западными «посетителями» России — путешественниками, авантюристами екатерининской эпохи и т.п. Для России у Запада не было своего Миклухо-Маклая — не было этнографа-антрополога, который описал бы ее ментальность в терминах науки своего времени. Почему мать Наташи Ростовской завидует дочери, когда та получает предложение от князя Андрея? Так захотел писатель. А другого источника познания русской ментальности не было.

Впрочем, не составит исключения более категорическая точка зрения. Будучи совершенно лишен просвещенной терпимости к такому рода суждениям, сошлюсь на другого «предшественника» — В. Гроссмана («Все течет», 1965), который считал, что тайна русской души в тысячелетнем рабстве [О.Кен].

В3-2. Какую роль в познании ментальности играет интуиция — инстинкт проницательность, непосредственное переживание истины без логических доказательств (в опоре на предшествующий опыт)?

Эксперты смогли сформулировать свое отношение к роли интуиции и интуитивных методов в познании ментальности. Эта роль совершенно та же, что в социальном познании вообще, не больше и не меньше, несмотря на нераскрытую загадочность самого явления.

В4-1. Является ли различие «своего» и «чужого» народа (нации, этноса) главной миссией ментальности в человеческом общежитии?

Моим намерением было вызвать дискуссию, спор между экспертами. Заочный спор состоялся.

К. Келли: Вполне приемлемо, что различие «своего» и «чужого» критическое для человеческого общества, но здесь играют роль многие факторы — различия могут быть по признакам гендера, возраста, социального статуса, сексуальной ориентации, принадлежности к субкультуре, и проч., и проч. В некоторых контекстах, совсем не важны различия между «своим» и «чужим» народом, так как они просто не чувствуются (в деревенских уголках Европы, люди до сих пор разделяются на «своих» (местные) и «чужих» (жители соседних деревень и вообще остального мира: например, на острове, где наш деревенский дом в Ирландии, говорят о «locals» и о «blow-ins», то есть принесенных ветром. Единственный способ попасть из второй категории в первую — выйти замуж или жениться, и даже тогда, ты останешься на всю жизнь все-таки чужим, хотя твои дети будут полноправными «местными»). Другое дело, что такие разделения легко переходят в подозрительность к членам других этносов, когда человек оказывается в многонациональной среде.

Л. Кесельман: Освоенный способ миропонимания, как и освоенный в детстве язык (являющийся базой соответствующего миропонимания) всегда «свой», и при отсутствии информации об иных мирах, единственно правильный («истинный»). Отсюда, все остальные люди, то есть не «свои» — «чужие» и неправильные. На каком-то этапе развития это абсолютно естественно. Проблема в том, что значительная часть нынешних жителей Российской Федерации за пределы этого этапа еще не вышла.

О.Кен: В человеческом общении вообще такой миссии у ментальности нет. Ее оправдание в ином — выработке общих условий взаимодействия, коммуникации внутри общности. Превращение «внешней» функции в главную (как, впрочем, и сосредоточение на проблеме ментальности, выходящее за рамки одного из многих направлений социального анализа, становящееся любимой народной забавой и политическим упражнением), само по себе является функцией определенного общественного состояния, а именно — состояния кризиса или упадка, при котором общество вынуждено заниматься изобретением средств самообороны, ибо меняться не хочет, не может, а с помощью универсальных понятий такое нежелание оправдать возможно.

Под «давлением» мнений экспертов автор согласился не считать различие «своего» и «чужого» главной миссией ментальности, однако саму функцию различения сохранил, считая, что без этого невозможно самопонимание человека (группы).

В4-2. Где в таких случаях проходит граница между интуицией и умозрением (спекуляцией), выведенным за границы чувственного опыта?

Приведу, правильный, с моей точки зрения ответ, опираясь на интегрированное мною мнение трех экспертов: К. Келли, Б. Докторова, О.Кена: Здесь следует говорить о стихийной рационализации примитивного защитного рефлекса, все это относится к социальному опыту, а не к опыту в эпистемиологическом смысле. Потому переход от интуиции, «традиционного знания», совершается к предрассудкам, к категории, которая в образованной городской среде (культуре) имеет чисто негативные ассоциации. Это, скорее всего, спекуляция, за которыми в новейшей истории стоят политические (властные), социально-экономические интересы. Вспомним войну Ирака и Ирана. Вспомним о напряженности между индусами и пакистанцами. Китай и Тайвань. Северная и Южная Корея... отношения между РПЦ и Русской зарубежной церковью. Примеры можно было бы продолжить.

В4-3. Ищут ли при этом россияне сходство с иноземцами или пытаются установить несхожесть? От чего зависит выбор алгоритма различения «своего» и «чужого» народа?

Вопрос очень туманный. В Москве милиция останавливает лиц кавказской национальности, в Питере, в Воронеже, в последние годы было множество убийств на национальной почве, на Дальнем Востоке нет и дня без драк с китайцами... а история жизни и гибели Николая Гиренко? Поэтому данный вопрос трудно рассматривать в теоретической плоскости, все безумно политизировано... к сожалению, алгоритм различения прост: антропологические показатели: форма носа, глаз, цвет волос и др. Сейчас — сильнейший анти-американизм, как в годы «холодной войны». Откуда это идет? Это поиски сходства или различий? [Б. Докторов].

Россияне ищут несхожесть или сходство всегда. Сходство/несхожесть выступает в роли оценочной категории: «Молодец, это — по-нашему!». Я не раз слышал от своих оппонентов: «Вы мыслите не по-нашему», «Та-

кая логика — не наша». Это маркирование получило широкое распространение. Оно служит в российской научной этике заменой аргументов [Б. Ланин].

В современной (постсоветской) России довольно широко распространено подчеркивание несхожести — не только в народе, но и в интеллигенции. При чем, в провинции более «эксклюзивны», чем в столицах (и в Петербурге более «эксклюзивны», чем в Москве). Игрет роль разочарование Западом у тех, кто путешествовал. Там, как оказалось, не рай и не ад, а что-то банальное, привычное, и, в конце концов, не интересное. К тому же, люди как бы свертывают эти чувства в обратную сторону (говоря языком психоанализа, *project them*) — это одна из причин всплеска разговоров о «руссофобии» [К. Келли].

Не думаю, что алгоритм позиционирования имеет собственную природу, что можно установить для него какие-то собственные основания. Скорее, мы имеем дело с отражением (проявлением) насущных социальных потребностей, которые дают на ментальную призму, пробиваются сквозь нее, порождая уродливые или прекрасные иррациональности. Однако в любом случае, это фантомы, они способны незаметно трансформироваться, переходя порой в собственную противоположность [Л. Кесельман].

Мы, как правило, ищем в других что-то такое, что считается базисным уровнем личности (темперамент, характер, ценности, нормы). Но на самом деле очень большие различия, очень большое непонимание происходят из очень маленьких деталей. На самом деле то, что делает иностранцев непохожими и/или непонятными для нас, а нас, в свою очередь непонятными для иностранцев, связано не с принципиальными ценностями или драматическими различиями характеров и темпераментов. Имеют значение какие-то мелкие, чисто технические схемы, на основе которых мы стараемся взаимодействовать. Эти схемы оказываются разными, что, прежде всего, бросается в глаза. То есть оттого, что наши гайки не подходят к их винтам на какие-нибудь доли миллиметра, мы обнаруживаем, что будто бы принадлежим к разным мирам [М. Соколов].

В4-4. Соглашаясь с тем, что мысли человека о собственной ментальности с трудом вербализуются, задам все-таки еще один вопрос: какой смысл вы вкладываете в слова-понятия «русскость» и «российскость»?

Для Б. Докторова российскость — это принадлежность к российской культуре: истории, языку, искусству. Это не обязательно Достоевский, Пушкин, Толстой, Глинка, Чайковский... многие россияне и фамилий таких не знают, пусть это будут сказки, фольклор, частушки, русская попса... Что такое само по себе «русскость», я не знаю, мне кажется, что это почти тождественно российской «православности». Я имею в виду то, что православие или нечто близкое (восточное христианство Грузии, Армении) есть и в других странах.

Иным будет его же мнение о русскости: Я уже как-то писал, что ссылки современных авторов на русских дореволюционных философов (социальных мыслителей) при толковании русского вопроса, русскости и т.д. не совсем корректны, а иногда и совсем некорректны, ибо они и современные авторы имеют перед собою разные объекты анализа. Бердяев, Ильин, Федоров и др., говоря о русских дореволюционной России, имели в виду основную массу населения — православных. Не татар, не евреев, не католиков... только православных. Второе. Нельзя забывать, что для них отмена крепостного права была ближе, чем для нас Вторая мировая война. Они видели перед собою другую Россию, с бывшими крепостными или потомками крепостных, с дворянами и их

потомками... Нас отделяет от того времени так много социотрясений: Первая мировая война, Революция, Гражданская война, раскулачивание, индустриализация, урбанизация, Вторая мировая война, мощнейшие социальные проекты типа: Комсомольск-на-Амуре, целина, БАМ.... А несколько поколений антирелигиозной пропаганды и отхода значительной массы населения от религии и церкви? А несколько поколений смешанных браков? А поколения детей не знавших (оторванных от) родителей и национальной культуры? А русификация всех алфавитов? А только русские школы? А жизнь детей в интернатах (почти все дети на Севере)? А стремление записать детей русскими при смешанных браках?... Можно не продолжать. Я действительно не могу сказать, что такое русскость....

Любое употребление слова «русскость», тем более публичное, является потаканием ксенофобии. Что касается «российскости», то это для меня не более, чем подчинение законам, действующим на территории страны, существование определенных институций, например, обращение единой валюты, эти институциональные нормы, которые утрачивают свою силу, едва мы пересекаем границу [Е. Мельникова].

Ряд экспертов, напр., Б. Ланин, свяжут русскость, прежде всего, с грамотным и красивым русским языком, больше ни с чем. Российскость в таких случаях будет ими отрицаться.

Ближе к истинной будет позиция О.Кена. Ее же придерживается и автор проекта). Оба эти слова амбивалентны. Герой Гроссмана, вступаясь за итальянского пленного, говорит начальству: бить лежачего не по-русски. Можно и так, но чаще на поверхность выходит совсем иной, антигуманный смысл принадлежности к русскому племени. Полемика на этом поле невольно приводит к аргументации «от прошлого и настоящего», то есть к аргументации с позиции того, что общественное развитие как раз и призвано улучшить, следовательно, преодолеть, а не культивировать. Если же различать эти два понятия, то проблема в том, превратится ли «российскость» из официального неологизма в наднациональное и открытое патриотическое самопонимание.

В5. Авторские права на понятие ментальности я отдал культурной антропологии, исходя из того, что эта наука изучает разные способы быть человеком, включая осознание этих способов самим человеком. Считаете Вы такое решение правильным? Как связано изучение ментальности с развитием избранной вами научной дисциплины? Пользовались ли вы этим понятием в своей профессиональной деятельности?

Да, можно отдать культурной антропологии, вопрос в границах самой культурной антропологии. Но, видать, всего отдать ей нельзя, ибо тогда придется отдать ей логику и методы социальной психологии, социологии. Чего она, скорее всего, брать не будет. Возможно, лучше всего говорить о проблеме ментальности как объекте и предмете междисциплинарного изучения, но ведущую роль отдать культурной антропологии. Изучение общественного мнения связано с изучением ментальности, определенных срезов ментальности... но я в моей деятельности фактически не пользовался этим понятием [Б. Докторов].

Для меня также очень важен вклад истории культуры — та же антропология «с родословной». Но писать историю ментальности гораздо труднее, чем ее описывать в настоящем: дисциплинарные традиции истории требуют аналитического комментария, и поскольку ментальность — дело символической, воображаемой реальности, легко создается разрыв между тем, что описывается, и взглядом комментатора. В англо-

язычной исторической науке до сих пор относятся довольно настороженно к изучению ментальности: иные утверждают с облегчением, что это течение «устарело», или что они всегда и без того учитывали ментальность, так что о ней специально заботиться не стоит. По-моему, историки еще не справились с задачей, как понимать ментальность изнутри, более интересно пишут о «чужом» антропологи, или писатели-культурологи. Я тоже чувствую некоторую амбивалентность по отношению к этой теме: вот мне не очень нравится автобиографический жанр, распространенный у некоторых русистов из третьей волны эмиграции (и постсоветской России), «вот русская ментальность — это я, мои впечатления и чувства, особенно по поводу того, как я отличаюсь от западных знакомых». Заключения, добытые этим подходом, ограничены по своему значению и поэтому спорные. Я вряд ли собиралась бы представить себя как случай из практики английской ментальности: как сказано выше, здесь нужно некоторое понятие о типичности [К. Келли].

Да, в целом предложенное Вами понимание мне кажется вполне адекватным. Культурная антропология, может быть, становится главным, определяющим направлением современного социального знания, и под ее обаяние, под ее влияние, так или иначе, поддаются усилия в других областях. Мне ближе изучать изменчивость, но когда приходилось констатировать власть инвариантного, стереотипного, не подверженного влиянию социальных перемен, возникало и понятие ментальности, ментального [О.Кен].

II. Вхождение в лабиринты ментальности (вопросы 6-9)

В6. Обращение к понятию гибридной ментальности должно подтвердить факт, согласно которому «в России все времена существуют одновременно». Ментальность традиционная (российская) здесь должна «уживаться» с ментальностью советской и тем, что мы начинаем воспринимать как ментальность постсоветского времени. Что стоит, по вашему мнению, за каждой из трех перечисленных выше ментальностей и является их своеобразной «визитной карточкой»?

Отвечая на этот вопрос, эксперты называли большое количество различных по своей природе референтов, символически отражающих традиционную (российскую), советскую и постсоветскую ментальности.

Российская ментальность (дореволюционная) может быть проиллюстрирована следующими образами — интеллигент в пенсне и шляпе, крестьянин-отходник с длинной бородой, усадьба с мезонином, Елисейский магазин и другие здания в стиле «модерн», ярмарка в провинциальном городе, православная церковь, монастырь. Советская ментальность «в картинках»: очереди, ветераны ВОВ в разных ракурсах, плакатный вагон поезда дальнего следования, партийная дама, похожая на Матвиенко, которая воплощает типичную советскую женщину, дом — хрущевка, квартира-коммуналка, тюрьма. Постсоветская ментальность «в картинках»: менеджеры среднего звена, закупающие мебель и бытовую технику; телевизор с плоским экраном, по которому выступает Путин, рассказывая о нефти и газе; скульптуры Церетели; пешеходная зона с туристами и бомжам; бездомные дети на вокзале [С. Чуйкина].

Pre-Revolutionary Russian: dark orthodox churches with candles and monasteries, monakhi and holy men, Tsar and the Russian army, both St.Petersburg Winter Palace, Nevsky Prospekt and Moskva Kreml, the two headed eagle, troika and sleigh, peasants and obschchina and vodka, Pushkin, Tolstoy and Dostojevsky, Tchaikovsky and Rimsky-Korsakov, Repin, my grandmother's pirozhki and kasha. Soviet Russia or Union:

Red Square and the Red star, Lenin's (and Stalin's mausoleum), Sputnik and Laika and Yuri Gagarin, «Govorit Moskva» and the bells of the Kremlin, Sovetskoe Shampanskoe i konfety, long queues in front of the shops, huge suburbs and novostroiki, Belomorkanal and the Moscow metro, Shostakovich and Sholokhov, Gulag. Post-Soviet Russia: The New Rich and luxury cars and villas, beer bars and parlours in the streets and parks, kiosks and markets, casinos and renovated and newly build churches, Oil and Gas, the Chechen War, Putin. To me personally: EUSP [Ю. Гроноу].

Вопрос 7-1. Что было и остается сутью российской (традиционной) ментальности?

В. Ядов: Вера в то, что справедливость все же победит когда-нибудь.

С. Чуйкина: Полагаться «на авось». Не думать о завтрашнем дне (отсутствие стратегического мышления и презрение к нему).

Л. Дробужева: Православные ценности, вера в царя-батюшку, особый путь.

Вопрос 7-2. Что было и остается сутью советской ментальности?

В. Ядов: Вера в то, что мы покажем миру, как надо жить.

С. Чуйкина: Хватательный рефлекс-1 (стремление что-то достать, схватить и утащить к себе домой, там положить и хранить).

Л. Дробужева: Представления о возможной социальной справедливости.

Вопрос 7-3. В чем состоят основные черты российской постсоветской ментальности?

В. Ядов: Такова наша судьба! Что поделаешь?

С. Чуйкина: Хватательный рефлекс-2 (погулять на славу, пока не вернулись советские времена или не стал ещё какой-то катаклизм). В «хватательном рефлексе» проявляют себя гендерные, возрастные и классовые различия. В одних слоях «хватают» товары народного потребления, в других — книги и свободу слова.

Л. Дробужева: Ценности самостоятельности, установка на собственные силы (личности).

Можно сказать в качестве вывода, что сознание экспертов-инсайдеров дифференцирует три ментальности. Но им оппонируют эксперты-аутсайдеры: *Я не уверен, что можно приступить к такому членению, ибо некоторые свойства ментальности остаются, несмотря на смену эпох. Такова, например невероятная жестокость российской ментальности. Стоит только почитать то, что пишет Достоевский об этой жестокости, и документы о русской гражданской войне 1919-1921 годов. Одна из особенностей советского периода это страх, как говорит Ахматова в своих беседах с Лидией Чуковской. Такого страха раньше не было. То есть тут ментальность меняется под прямым влиянием истории (вопреки теориям Школы Анналов). В постсоветский период поражает бегство из России большого количества русских, которые моментально приспосабливаются к Западу, к капитализму, богатеют и ничуть не страдают от пассивной ментальности, будто бы унаследованной от старого режима и еще больше от советского режима. Это доказывает, что следует иначе говорить о русской ментальности и горизонтах возможностей. Русская ментальность содержит потенциальные порывы, если менять горизонт жизни. Пассивность преобладает у себя, незаурядная активность за границами своего обычного ареала. Это и есть потрясающая отличительная черта русских, сближающая их, может быть, с такими народами-эмигрантами как еврейский народ и армянский народ [Ж. Нива].*

Эту же позицию весьма современно выразит молодой российский эксперт. *Я никогда не замечал в себе русского, русского или советского менталитета. То есть,*

замечал, конечно, какие-то вещи, которые произошли... их можно соотнести с этой историей и, которые, наверное, я разделяю с большинством людей, живших по эту сторону границы. Но есть много других вещей, которые произошли совсем в другом контексте, которые я разделяю, в основном, с людьми, которые находятся по ту сторону границы. И сказать, что я в большей степени отношусь к какому-то одному из этих двух миров я не могу. И мне кажется, что большинство людей, моих сверстников, с которыми мы взаимодействуем и работаем вместе, они, в общем, мыслят примерно также. Им не обязательно от этого плохо, от того, что они такие гибриды. Мне кажется, что мы все гибриды, и мы не можем быть другими, ни в современном мире, ни когда бы то ни было еще. Если, опять же, не говорить про какие-то критически маленькие, островные, традиционные общества, которые существуют столетиями совершенно стабильно, но, как утверждают антропологи, в реальности встречаются крайне редко, то все остальные находятся на пересечении грандиозных культурных сечений. И так было всегда! [М.Соколов].

ВВ-1. Гибридность ментальности может иметь два объяснения. Согласно первому это специфический российский феномен, вытекающий из особенностей нашей истории (наслоения разновременных политических, социальных, социально культурных структур). Согласно второму объяснению ментальности различных поколений не могут не различаться между собой по определению. Какому из двух объяснений вы отдали бы предпочтение?

Приведу модальный ответ. Едва ли не все эксперты отдали предпочтение второму объяснению. То, что обозначено как «гибридная ментальность» не является российским феноменом. В любом обществе, которое переживает социальные изменения, возникает поколенческий разрыв. Кто-то оказывается современником перемен и их активным «реализатором», кто-то остаётся за бортом и живёт в прошлом. Это представляется вполне естественным. Двадцатый век был богат событиями во всех странах, поэтому эти процессы происходили везде. В последние пятнадцать-двадцать лет в связи с развитием новых технологий, этот процесс опять очень сильно обострился, разделив мир на тех, кто пользуется этими технологиями, и тех, кто живет еще в «докомпьютерном» времени. Утверждать, что гибридность особое свойство российской (русской) ментальности) было бы сильным преувеличением.

ВВ-2. Является для вас фактом, что «в России все времена существуют одновременно», остается ли Россия, как и ранее, Миром Миров?

И здесь ответ «среднего» эксперта не оставит за Россией «эксклюзивного» права быть особым Миром Миров. В России, как и во всех других странах, сосуществует множество миров, носителями которых являются представители разных поколений, разных социальных групп, профессий, этносов, субкультур. Однако конструкция, которая допускает наличие трех последовательно сменяемых в историческом времени ментальных миров (ментальностей) будет не совсем валидна.

Потому что то, что сейчас лежит в нашем «ментальном ящике», является порождением самых разных эпох. Некоторые инструменты эволюционировали со временем, некоторые выкидывались, а потом, я предполагаю, возможно, создавались. То, что мы чем-то похожи на Россию, которую создал, например Кюстин, не обязательно означает, что мы все время между этими двумя точками одинаковы. Просто появились какие-то вещи, которые независимо были изобретены заново [М.Соколов].

В8-3. При каких условиях ментальность россиян могла бы стать «однослойной»? Естественно ли ожидать, что в обозримой перспективе придет новое поколение, для которого советское прошлое (не говоря уже о досоветском прошлом) утратит свою значимость?

Если не абсолютизировать это представление, ментальность россиян могла бы устремиться к «однослойности», если бы они видели, что руководство страны имеет четкую стратегию развития на много лет вперед, и что, соответственно, у их детей, внуков и правнуков есть гарантированное будущее. И чтобы при этом не было бы репрессий, войн, банковских кризисов и других серьезных переживаний, которые подрывают веру в правителей и демократию. Тогда у всех россиян появилась бы цель, или, во всяком случае, желание что-то изменить к лучшему, что-то делать компетентно, платить налоги вместо того, чтобы воровать [С. Чуйкина].

В8-4. Поместив себя мысленно на ось времени, какой из периодов русской истории (прошлое, настоящее или будущее) Вы могли бы назвать «своим»? Почему?

Примечание: Приводится формулировка вопроса 8-4 для российских экспертов. Зарубежным экспертам этот вопрос задавался «в третьем лице» (о россиянах).

Эксперты предложили веер ответов. Одни называли своим время перестройки. Вторые — нынешнюю эпоху. Другие подчеркивали свою диссоциацию с советским прошлым и/или с теперешним временем. Советское время я хорошо помню, и меня оно совершенно не привлекает ничем. Я думаю, что люди жили в ужасных условиях, многие были на грани выживания, морального и физического. Все эти очереди, закупка ковров по талонам, лимитная прописка, фиктивные браки... Разве может человек во всем этом чувствовать себя самим собой? Сплошное принуждение... Восьмидесятые годы, когда я училась в школе, это жуткая скука, разлитая в воздухе. Безжизненные пионерские мероприятия, показуха. Когда началась перестройка с её бардаком, я была совершенно счастлива, потому что люблю перемены и события. Постсоветское время мне до определенного момента нравилось, пока я не повзрослела. Тогда я поняла, что достойной жизни для большинства людей не предвидится... Жить в таком времени не очень хочется, но что делать? Надо жить, и живешь. Если проводить всё время в интеллектуально-богемных кругах, то становится и хорошо, и не скучно [С. Чуйкина]. Ощущение созвучности той или иной эпохе важная характеристика ментальности.

В9-1. Какие следы в вашей картине мира (ментальности) оставила эпоха имперской России?

В. Ядов: В моем сознании — ужас невольничества.

С. Чуйкина: Имперская Россия — это точка отсчёта, от которой я отталкиваюсь, зная, что она где-то в подсознании есть, но к ней вернуться невозможно. Она воплощает противоположность нынешнему времени, своего рода антитезу всему. Для меня имперская Россия, которую я знала лично — это лишь её высший слой, вернее, его остатки. Когда я была маленькая, то много общалась с очень старыми людьми (женщинами в основном), преимущественно из семейного окружения, которые родились ещё в 19 веке, и меня они сильно интриговали, потому что было видно, как сильно они отличаются от более молодых людей, т.е. которым было лет 70, 60, 50. Меня по стилю более привлекали именно эти люди из 19 века, и поэтому тот период, когда они были молодыми (1910-е-1920-е годы) меня завораживал. Тот мир существовал ещё до индустриального капитализма, и он был подорван ещё до революции капитализмом, затем уже добит социализмом. Не случись Октябрьская революция, он всё равно бы был разрушен,

будучи обреченным. Для того чтобы понимать современный мир, нужно помнить о точке отсчёта нашего пути к современности.

Л. Дробижева: Никаких следов.

В9-2. Какие следы в вашей картине мира (ментальности) оставила советская эпоха?

В. Ядов: В моем сознании — надежду на лучшее время, на лучшее время после Хрущева.

С. Чуйкина: Но то, что меня интересует в позитивном смысле, это энтузиазм, который был присущ советскому времени, среднему советскому человеку, и мне интересно то, как советский конформизм был успешно сформирован государством. Парадоксально, что люди были бедны, но счастливы и патриотично настроены. Естественно, у этого есть очевидные социологические объяснения, а именно — в результате урбанизации, условия жизни большинства людей улучшились, по сравнению с их предшествующей деревенской жизнью, следовательно, они видели в советской политике перспективу.

Л. Дробижева: Остатки веры в социальную справедливость, которой реально не было.

В9-3. Какой след в вашей картине мира (ментальности) оставляет современное российское жизнеустройство?

В. Ядов: Временность такого состояния.

С. Чуйкина: В постсоветском обществе для меня наиболее важен пространственный момент — вид и запах российских городов. Все постсоветские города друг на друга похожи, особенно зимой. Отсутствие правильно сделанных стоков воды на проезжих частях и тротуарах приводит к наличию огромных луж. Они создают специфический запах талого снега, смешанный с бензином и выхлопами газа. От досоветского периода в небольших городах России остались отдельные двухэтажные дома, напоминающие о произведениях Чехова и Гоголя. Они соседствуют с хрущевками. Дворы вокруг хрущевки очень похожи между собой, также как и дома брежневской постройки с их дворами и помойками. Всё это, обычно, довольно унылое, грязное и нефункционально в употреблении. В первых этажах домов как-то прилепляются коммерческие точки, которые, однако, совершенно не предусматривались архитекторами. Я в этом всё никак не красота не вижу, но, тем не менее, когда я возвращаюсь из-за границы в Россию, то, утонув в какой-либо луже, особенно на окраине, чувствую, что я у себя дома. Со времен Советского Союза ничего в этом смысле не изменилось, так как пространственная структура осталась той же, а ремонт во многих местах так и не было. Так что пространство постсоветского города соединяет в себе всё — историю до меня, моё детство и настоящий момент.

Л. Дробижева: Установка (личности) на собственные силы.

Контрастом по отношению к ответам на вопросы 9-1, 9-2, 9-3 большинства экспертов будет точка зрения О. Кена, убежденного в том, что ментальность — принципиально надличностное явление, которое не может быть спроецировано на личность: У меня есть воспоминания, переживания, мнения, убеждения, но нет «картины мира» и тем более «ментальности». Я принадлежу ей и (или) сопротивляюсь ей, но не владею, не контролирую, не управляю. Полностью согласиться с этим мнением значило бы признать, что ментальность невербализуема. Практика, в частности, настоящее исследование, опровергнут такое предположение. Конечно, эта вербализация, дается с трудом (что собственно и составляет одну из главных трудностей в изучении ментальности), но все-таки даже «неподвластная» индивиду, «нескон-

тролируемая» и «неуправляемая» ментальность посылает сигналы в человеческий космос. Задача науки — принять их и распознать.

III. Реальные и ментальные миры (вопросы 10-13)

В10-1. Верно ли, что русские склонны начинать поиск нового с попыток возрождения своего старого? Является ли эта склонность чертой российской ментальности? Почему?

Нет, не верно, скажут в большинстве случаев эксперты. Это черта любого развитого и образованного сообщества (не только русских). Что такое новое? Это попытка найти ответы на актуализировавшиеся вызовы, которые сами по себе вечны. Поиск нового для народа осуществляют ее интеллектуальные элиты, они всегда в той или иной мере будут опираться на «старое». А на что еще, собственно говоря, можно опираться? Чем больше возраст культуры, тем более «толстым» будет старое, лучше сказать тем более «толстым» будет это новое. Таков, в принципе модальный ответ.

Была выражена и более жесткая точка зрения: *Эта склонность является антропологически удостоверенной чертой всех традиционных обществ, их общими «кредо». Наличие на рубеже XXI века подобных настроений является яркой иллюстрацией того, насколько архаизировалось образованное российское общество за последние десятилетия, насколько оно бессильно предложить своей стране будущее* [О.Кен].

В10-2. «Впитать в себя только лучшее молоко матери-родины» призывал М.Меньшиков, писатель и публицист начала XX века. Что полезно возродить (сохранить) в наследстве, доставшемся России от досоветского прошлого (помятые советы Меньшикова)?

Уже все взяли, что могли. Я скептически отношусь к возрожденному дворянству, не вижу в нем ни аристократичности духа, ни чистоты идей [Б. Ланин].

Однако с полным отрицанием наследия будут согласны далеко не все. Вот одна из мотивированных позиций: *По-моему, самое главное — свобода совести, с которой сейчас в России — очень смешанная картина. Полу-государственная роль православной церкви не в пользу ни государству, не самой церкви. Чтобы она действовала как нравственная сила в обществе, крайне нужно, чтобы церковь перестроилась — сейчас это какой-то очаг мракобесия и шовинизма. Даже в советское время были более веские истинно христианские точки зрения (пример — Отец Александр Мень). Я даже слышала, что православная иерархия стала вмешиваться в ученый мир, требовать запрета научных работ и диссертаций. Такое, конечно, было при Святейшем Синоде. Нужно не только «впитать лучшее» от старого мира, но и защищаться от его худших черт. Но в связи с протестом против советской культуры, сейчас идеализация дореволюционного мира вездесуща. Например, утверждают, что отношения русских с коренным населением Сибири и Дальнего Востока представляли собой не «колониацию», а некое радостное взаимодействие; что школьное образование было великолепным во всех отношениях; что все наслаждались свободой и благополучием. Это напоминает картину в школьных учебниках дореволюционного времени, и выпускает из вида жесткую критику дореволюционной жизни в литературе, журнализме, и частных документах (дневниках, воспоминаниях) XIX и раннего XX века. История не может оказывать назидательного эффекта, если извлечь из нее только отдельные моменты; нельзя мечтать о том, что было хорошо до 1917 без того, чтобы иметь в виду и то, что было плохо. А сейчас как раз в первую очередь возрождается то, что было плохо* [К. Келли].

Несколько экспертов в этой связи будут настаивать на закреплении лучших традиций, связанных с сохранением богатства русского языка.

В10-3. Что полезно возродить (сохранить) в наследстве, доставшемся России от советского прошлого (следуя призывам Меньшикова)?

Противопоставление одного прошлого другому равносильно принижению значения одного слоя истории над другим. Это неверно и ошибочно, близоруко и опасно. В действительности история — это не торт с ровными пластиками теста, промазанными кремом, это взаимопроницающие конструкции. Нам не дано сказать, что полезно возродить... все должно идти снизу и оформляться определенными выразителями этих ренессансных идей. Но здесь нельзя торопиться. Новые общественные идеи, мне кажется, еще не обозначились до такой степени, чтобы сказать: «Вот то, что нам надо» [Б. Докторов].

Более определенной и конкретной будет точка зрения эксперта К. Келли: *Советское прошлое выглядело бы совсем другим, если на него смотреть с позиций стран неразвитого мира. Здесь люди тоже были вдохновлены мечтами о прогрессе и современной культуре, и свобода слова казалась менее важной, чем возможность жить человеческой жизнью. Теперь видно, что советская система уж к середине 1960-х действительно довольно удачно обеспечивала самых бедных граждан необходимым, социальной поддержка существовала. Несмотря на все изъяны этой системы, она была намного справедливее в социально-экономическом смысле, чем постсоветский «свободный рынок». Проблема в том, как возродить, например, социальное обеспечение без социального контроля, государственное финансирование образования и культуры без цензуры, взаимопомощь без «гражданской бдительности». Увы, сейчас возрождаются как раз контроль, цензура и бдительность, а с государственной поддержкой, несмотря на поднимающие уровни вложений и прибыли от нефти, далеко не пошло.*

Бросится в глаза радикальная позиция. Ссылки на Меньшикова, если они не являются риторическим приемом, показывают только расщепленность сознания авторов. Действительная дилемма состоит в другом: или уж «родина-мать», безо всяких претензий младенца на дистилляцию поглощаемой лактозы — или самостоятельное духовное и социальное развитие. Реальная проблема состоит в открытости вызовам современности [О.Кен].

Отдельные, не концептуальные ответы, будут подчеркивать важность некоторых черт советской системы, веру ее граждан в существование общества справедливости.

В11-1. Какие из западных достижений следует перенести на российскую почву, исходя из того, что впитывать должно лишь «лучший воздух Запада»?

В чистом виде — ничего невозможно перенести. Ведь русское православие иное, чем Византийское христианство. Ведь варяжская модель устройства государства не проросла в России в полной мере. И так далее. Значит надо просто смотреть на то, что делается в мире и пробовать у себя дома. Западный мир — не рай, тоже масса проблем. И все же лучшее, что в нем есть — это стремление дать человеку свободу. Предоставить ему возможность самому отвечать за себя, действовать по своей воле, уважая волю других. Можно назвать это демократией, гражданским обществом. Это и надо брать [Б. Докторов].

Точка зрения внешних экспертов более избирательная, она опирается на знание опыта отдельных стран и культур. *Социальному обеспечению, например, лучше всего, учиться у немцев, которые все это выдумали в нача-*

ле 20 века, и у которых все это работает гораздо лучше, чем в Америке. Боюсь, что как раз здесь русские все выучили у американцев, у которых достижения народного (бесплатного) здравоохранения менее чем удовлетворительны. Известно, что в США уровень смертности среди младенцев один из наивысших в развитом мире, а государственные расходы на здоровье очень большие, но без существенной пользы для населения, не обеспеченного страховкой [К. Келли].

V11-2. Верно ли, что, заимствуя чужестранные новшества, русские обходились (обходятся) без их осмысления и институционализации? Например, вера в магию рыночного механизма и демократии действует сильнее, чем понимание того, как рынок и демократия действуют в реальности.

Модальный ответ: «Русские здесь не причем». Проблема в равной мере относится ко всему постсоветскому пространству. К тому же выбор делается не населением, а элитой, кстати сказать, российской, а не русской!

Сама постановка во многом воспроизводит особые черты российской ментальности (как впрочем, и ментальности других обществ, оказавшихся на периферии общемирового развития и горько на это сетующих). Стоит воздух с Запада привезти и выпустить в атмосферу и его не станет. Заимствования «чужестранных новшеств» на то и заимствования, чтобы быть неорганичными, как прусская конституция в Японии в конце XIX века. Ничего специфически русского тут нет [О.Кен].

V12. Допустимо ли говорить о том, что стремление преодолеть рыхлое, нестабильное жизнеустройство — побуждает россиян конструировать желаемое будущее (речь об образах государства и общества) из комбинаций трех групп реальных, идеальных и мифологизированных представлений о дореволюционной России (1), Советском Союзе (2), постсоветской России (3)?

Эксперты вступят в новый заочный спор. А из чего еще можно конструировать будущее? Только из того, что знакомо, что под рукою, что кажется понятным... Постсоветская Дума — это рефлексия по поводу дореволюционной Думы. То же можно сказать о Российском Флаге и Гербе. Продолжает стоять мавзолей. И Михалковский гимн... все это одновременно новое и старое. И ничего не поделаешь. Моя мама родилась в 1907 году, но она часто приводила примеры из «той» жизни [Б. Докторов].

Не согласен! К тому же, дорогой Б.М., дореволюционная Россия, на мой взгляд, в сознании наших современников занимает лишь символическое место. Это парад в «Сибирском цирюльнике» — и все! [Б. Ланин].

Да, конечно. Налицо потребность спасти ментальную целостность рушащегося мира, укрепив его любым, пусть самым негодным мусором, собранным на пепелище — новонайденным черепом Ивана Сусанина, свежесотлитым мечом Ильи Муромца, «Запорожцем» Пути-на и т.п. [О.Кен].

Как мне представляется, конструированием из подручных средств нынче озабочены в основном лишь приближенные к власти политтехнологи и их какашники. Само же «будущее» формируется не только (а может и не столько) внутренними детерминантами, но и все возрастающей мощью глобальных сетей. Один только Интернет за последнее десятилетие чего натворил. То ли еще будет! [Л. Кесельман].

V13. Инерция российской ментальности, неспособной к перекартыванию картины мира синхронно с общественными преобразованиями, и перенапряжение ментальности под влиянием пост-

янно изменяющихся смыслов жизни, ценностей и реалий окружающего мира, — как эти состояния связаны между собой?

Этот вопрос, скажет К. Келли, по-моему, ключевой. Но я сформулировала бы его несколько по-иному, обращая внимание на конфликт между тягой к «знакомому» и «непостоянством» (способность быстро уставать и разочароваться). Наверное, в каждой культуре идет борьба этих факторов (иначе говоря, между инерцией и динамичностью). Но в русской культуре эти процессы политизированы до большей степени. С российской ситуацией можно сравнить разве годы «премьерства» Маргарет Тетчер. Один из самых радикальных британских политиков-реформаторов XX века, она успела разрушить «молчаливое согласие», в котором жили раньше (до этого, все послевоенные политики были убежденными патерналистами). Можно сказать, что во время ее лидерства произошел мощный сдвиг от общества со многими пережитками сословного прошлого в сторону не столько меритократии, сколько плутократии. По-моему, что-то аналогичное случается сейчас в России.

Либо российская ментальность кардинально изменится, либо через сто лет на территории нынешней России редко будет звучать русская речь. Жаль, конечно, но, как говаривал Константин Победоносцев, — «И не такие царства упали» [О.Кен].

Однако обобщение сделает Ж. Нива: Главное напряжение, как мне видится, проходит между глубинкой (без возможности передвижения в нищенской среде, почти автаркии с экономической точки зрения) и полюсами бурного развития. Те же идеологемы имеют совершенно разное значение, если ими живет нищая старуха в «Хрущевке» в Заостровье под Архангельском и процветающий московский читатель газеты «Завтра», тот который вдруг прочел в конце сентября 2006 года тезисы Чубайса в виде его интервью с Прохановым!

Усиливающее неравенство при общем падении уровня социальной справедливости суть главные «возмутители спокойствия» умов россиян. Любое исследование ментальности не должно обходить зависимость умонастрое-ний от состояния социума.

IV. Кто мы? — первое измерение ментальных миров (вопросы 14-17)

V14. Нация или национальное понимается в России скорее в этническом смысле — jus sanguinis (нация по крови), в отличие от jus soli (по месту рождения или по тому, где человек вырос). В силу каких причин ментальность русских (россиян) опирается на принцип jus sanguinis?

Ответы на этот вопрос стимулировали серьезную заочную дискуссию между экспертами, сквозь призму которой четко просматривается их общая гуманистическая позиция.

Я постарался ее обобщить путем ссылок на преобладающие точки зрения российских и зарубежных экспертов: Л. Дробижевой, Б. Докторова, Ю. Гроноу, Ж. Нива.

Во-первых, в этом вопросе вообще никакой российской специфики нет, просто в России соответствующие миграционные процессы начались на тридцать-сорок лет позже, чем, например, во Франции и в Германии; на бытовом уровне, как и в других странах, люмпены и безработные ненавидят тех, кто отнимает у них рабочие места, жилье и прочее. С другой стороны, действуют некоторые традиции (в головах многих застряли выученные формулировки примордиалистской концепции нации по Сталину).

Во-вторых, принцип «jus sanguinis» нигде не функционирует в чистом виде (кроме как в моменты эмоциональных острых переживаний, катастроф), и, скорее всего, связан

с общностью по культуре, языку, воспитанию. Советская литература породила удивительную плеяду нерусских по крови, но русских по культуре авторов. Окуджава, Айтматов, Искандер, Друце... Но эта тенденция исчезает (*Федерация* плохо играет свою роль в отличие *Союза* советских республик).

В третьих, полезен гибкий, плюралистический европейский опыт. В Швейцарии преобладает принцип «*jus sanguinis*», во Франции — «*jus soli*». Это имеет значение, влечет за собой последствия, прежде всего для иммигрантов, но не такие огромные. Потому что и тут и там есть понятие «гражданин», которое позволит чернокожему быть французом или швейцарцем.

В четвертых, понятие «россиянин» сегодня должно быть эквивалентом слова «гражданин Российской Федерации». Вне этого смысла, оно останется неясным, скорее имперским, а не федеративным.

В пятых, должны быть учтены ставшие обычными, но имеющие страшные последствия, убийства африканских и азиатских студентов в культурной столице Санкт-Петербурге и других городах. Сторонники «российскости» должны прийти в ужас от едва ли не открытой поддержки расизма руководителями страны («мы должны очистить рынки от чуждых элементов, иностранцев»). Ведь все это настраивает ментальность на волну ксенофобии!

V15. Возможна ли идентичность на основе осознания своей близости с людьми вообще, если родство по душе присуще только человеку? Не являются ли экumenизм Д.С. Лихачева и его «мягкая» русскость прообразами новой самоидентификации (экстерриториальной, выходящей за рамки принадлежности к данному этносу)?

Прежде всего, эмпирически доказано (речь об исследованиях Института социологии РАН), что в силу длительной обособленности россиян от внешнего мира в недавнем прошлом, появления «мягкой русскости» ожидать не приходится. Да и вообще говоря, это вопрос интерпретативных практик. Сейчас русское Г.Павловский понимает как жизнь в русской культуре и языковых практиках, а Михалков и в «русской, православной вере», а Хакимов как ассимиляторскую идею. И еще можно найти несколько подходов. Проблема в том, кому и зачем это нужно [Л. Дробижева].

По мнению Д. Лихачева вся великая русская литература от Пушкина до Чехова, включая Достоевского, играла экumenическую роль. Является ли идилия Д. Лихачева кульминационной точкой? Существует «темный лик» России. Очень интересная полемика на эту тему вспыхнула между поэтом Самойловым и его другом-прозаиком Харитоновым. Первый был на стороне Д. Лихачева, второй описывал русскую жестокость, доходящую до зверства, в своем романе «*Два Ивана*». Отметим, что оба евреи, евреи — русские писатели, навсегда вошедшие в русскую литературу (что не совсем соответствует схеме А. Солженицына в книге «*Двести лет вместе*») [Ж. Нива].

V16. Что можно сказать о национальности (также о ментальности — Б.Ф.) женщины, если она всегда жила в российской области, населенной финнами, имела родителей родом из Англии и Германии, обучалась в русской школе, говорила по-немецки и по-английски?

Модальный ответ весьма прост: это подлежит изучению в каждом отдельном случае. Эксперты единодушно отвергают общую (единую) закономерность, опираясь на понятие так называемой дрейфующей идентичности, уходящей своими корнями в поликультурность, и на представления об этнической и гражданской иден-

тичности. В любом случае окончательное решение вопроса о национальности останется за женщиной, о которой идет речь.

Два частных ответа экспертов помогут связать теорию и жизненные практики. *Вряд ли эта идентичность русская, т.к. в школе женщина будет выделяться, чувствовать себя «белой вороной». Финское население в этой местности будет её морально поддерживать. Но она не будет чувствовать себя финкой, если только не выйдет замуж за финна. Она не будет ни немкой, ни англичанкой, хотя впитает многие элементы этих культур, до тех пор, пока будет жить в России. Но если она решит эмигрировать в Англию или в Германию, то там она станет «русской», и построит на этом свой имидж* [С. Чуйкина].

Финская кровь или татарская в русском человеке — это не редкость. Давно доказано, что нет «чистых» рас, как их определял граф Гобино в начале XIX века. Есть среди культурных русских космополиты, типа Николая Набокова (композитора, двоюродного брата писателя). Свои мемуары он озаглавил «Мемуары космополита». Но их мало. Человек, который каждый день читает стихи Пушкина, наверно «русский», не взирая на этническое происхождение [Ж. Нива].

V17-1. Согласны ли вы с тем, что региональная ментальность начинает заменять общенациональную, регион (город) выступает как место первоочередной важности, ему-то и сохраняется верность? Кто более заметен на общем фоне — этноиндифферентные или этноакцентированные русские?

Модальный ответ состоит в согласии с этим тезисом. Региональная ментальность вытесняет общенациональную, регион (город) выступает как место первоочередное по важности. Многие эксперты, в том числе и автор проекта, наблюдали это, когда путешествовали по России. Даже в Петербурге это проявляется достаточно заметно. Совместными российско-польскими исследованиями показано, что региональная идентичность у россиян намного превалирует над общенациональной. Однако по данным других исследований региональная идентичность не заменяет, а совмещается, комбинируется с российской. Уровень ее очень разный в субъектах федерации.

В некоторых местах Сибири издавна живет русское население, которое не скажет о себе: «мы — русские». Но, в общем, в России еще нет здорового «локализма», как, скажем, в Швейцарии. Пожалуй, некоторые области наверно богаче, чем центр, и могли бы создавать условия для быстрого развития населения области. Но общая «русскость» преобладает над локальным существованием. Обратное было бы чревато распадом... [Ж. Нива].

Этноакцентированные русские заметны больше, т.к. индифферентные люди вообще всегда менее заметны. В целом, если говорит о стране, преобладает нормальная идентичность, но этноакцентированных больше, чем индифферентных. Главное, однако, в другом: «русскость» сильно уступает местному патриотизму [Л. Дробижева].

V17-2. Трудно ли быть россиянином?

Мнения российских экспертов концентрируются вокруг позиции С. Чуйкина: *С точки зрения того, как к россиянам относятся люди другой национальности, иностранцы, быть россиянином не трудно, даже в тех случаях, когда его (ее) гражданство (национальность) кому-то не нравится. Главным здесь будет вопрос не об отношении «извне», а проблема ощущения себя русским «изнутри». Кто этот россиянин? Коренной петербуржец или москвич, работающий в Сити-банке? Бед-*

твующий житель города Гусь-Хрустальный, который у поезда продает хрусталь? Лицо кавказской национальности, чурающееся московской милиции? Мы не знаем, как сказываются бытовые проблемы и факты социального и национального неравенства на российской идентичности и ментальности? Укрепляют её или подрывают? Вопрос дискуссионный.

Зарубежные эксперты откровенно обозначили в своих ответах проблему изменяющейся (ухудшающейся) репутации русских (точнее — российских граждан) в глазах других наций и государств. Решение этой проблемы осложнено тем, что многие россияне с нею не сталкивались на практике. Вопрос требует тщательного и взвешенного изучения.

В17-3. Трудно ли быть русским среди нерусских?

Общий ответ здесь мало что прояснит. Едва ли не все зависит от окружения, от среды, в которой находится русский человек, от того, какой тип отношения к миру он представляет. Читателям отчета будет интересна точка зрения молодой россиянки, представляющей поколение, которое сейчас явственно обозначается на социальной сцене.

Я не испытываю никаких сложностей в общении с нерусскими людьми, если они мне близки по духу, по возрасту, по образовательному уровню, по интересам. Я чувствую себя комфортно в компании интеллектуалов, с которыми можно о чем-то интересном поговорить, или посмеяться над чем-то. Не люблю общаться с обывателями — ни с русскими, ни с французскими, ни с немецкими. Долгосрочное пребывание среди нерусских людей может быть вполне приятным. Я считаю себя представителем слоя «глобтроттеров» — номад молодых профессионалов, которые готовы осесть в любом месте, и не привязаны к территории. Для меня важнее с кем жить и кем быть, чем где жить. Если предложат интересную работу, уеду, не задумываясь, но только главное — попасть в мегаполис [С. Чуйкина].

Быть русским среди нерусских трудно, но вполне возможно. Таков итог «русской эмиграции». Часто я читаю неверные комментарии: изгойство Цветаевой, князя — водители такси, и т.д. Да, любому иммигранту трудно. Но русская эмиграция прекрасно нашла свое место (дети многих русских эмигрантов стали французами и никто из них не захотел вернуться в Россию навсегда) [Ж. Нива].

В17-4. Трудно ли быть нерусским среди русских?

Реакции те же, что и при ответах на предыдущий вопрос: Кому как! Эксперты-инсайдеры знают иностранцев, которые годами живут в России и очень довольны, знают и других, кто едва выдерживает неделю. Один эксперт выскажет так: «Смотря, в какой среде, но чаще трудно».

Тревожна точка зрения Ж. Нива: *Нетрудно быть нерусским среди русских для европейца, но, увы, русское общество еще не открыто к иммигрантам из неевропейских стран. Это тем удивительнее, что существует многовековой опыт империи. Урок, который Петр Первый захотел дать своему народу, когда он выписал «арапа» из Стамбула, еще не освоен. А тем временем все чаще в России поднимаются голоса, которые злорадствуют в связи с бунтом иммигрантской арабской или черной молодежи в пригородных местах Парижа (или Гамбурга, или Манчестера). Ассимиляция неевропейского населения в таких местах (где оно составляет почти большинство) — нелегкое дело. Но эти конфликты — продукт открытого, не замкнутого общества.*

Примечание: Я сознательно пропустил анализ ответов на вопросы **18-1, 18-2, 18-3** (*Куда мы идем? — второе измерение ментальных миров россиян*). Их форма оказалась неудачной, по сути эксперты ответили на них ранее (см. **III. Реальные и ментальные миры**). Правда, несколько экспертов предложили варианты ответов, которые могли бы заполнить разрыв в логике интервью. Приведу в этой связи высказывание К. Келли: *Я как бы уже ответила на вопрос 18. Именно поэтому в данном месте было важно спрашивать о том, какие черты дореволюционной, советской и постсоветской России будут сохранять свое значение на символическом уровне? У меня есть впечатление, что самые важные эпохи российской истории для нынешнего российского правительства — царствование Александра III (русификация, экономический рост, строгий контроль над общественными движениями), и период сталинской власти (правда, без массовых репрессий). Другими глазами смотрят на Китай в качестве модели, хотя у китайского правительства, судя по репортажам в английских газетах, нет притязаний на статус «великой державы», характерных для российского правительства. Но, в общем, мне кажется, для россиян национальная история менее интересна сейчас, чем в прошлом: Наследие воспринимается по-другому, через интерес к краеведению, к семейным традициям.*

V. К чему мы должны приспособиться? — третье измерение ментальных миров россиян (вопросы 19-22)

Примечание: Приводятся формулировки вопросов 19-21 для российских экспертов. Зарубежным экспертам эти вопросы задавались «в третьем лице» (о россиянах)

В19-1. Согласны ли вы с тем, что адаптация к радикальным изменениям в России носит принудительный характер?

В19-2. Как вы относитесь к вынужденной адаптации? Означает ли она для вас одобрение, согласие, примирение, или, напротив, вы пытаетесь ее оспорить, осудить, искать в ней нишу для более спокойного, отрешенного существования?

Эксперты-инсайдеры драматизировать ситуацию не станут, имея в виду самих себя. Для них адаптация — их собственный выбор. Современный либеральный субъект должен быть гибок и динамичен, лишён привязанности к территории и национальной идентичности. Я внутренне принимаю этот постмодернистский идеал. Желательно при этом не забывать о том, что мы всё-таки человеческие существа, а не машины по производству смыслов и тиражированию культурных продуктов [С. Чуйкина].

В то же время, для большинства населения этот выбор будет носить характер травмы. Опасность этой ситуации заключается в том, что более видны на общем фоне люди приспособившиеся. О причинах того, почему остальные не приспособились, и можно ли их спасти, известно очень немного. Насчет приспособившихся, тоже вопрос — какова цена приспособления? Трудно подсчитать цену, которую заплатили за трансформацию молодые и средние поколения. Например, я знаю много случаев, когда люди 1970-х годов рождения уезжали за границу в 1990-е, чтобы оттуда прокормить семью. Или здесь работали по 18 часов в сутки лет с двадцати. Жили очень напряженно, в результате у них испортился характер, и они стали эмоциональными депривантами. К тридцати годам устали так, что непонятно, чем их можно порадовать [С. Чуйкина].

Выраженное экспертами-инсайдерами мнение (речь о собственном отношении к адаптации) определенным образом согласуется с их ответами еще на два вопроса интервью

20-1. Были вы готовы ментально врать в ситуацию, которая возникла после разрушения «социальной крыши» (патернализма советского государства)?

20-2. Какой ценой вы достигли приспособления к изменившимся социальным ориентирам и авторитетам?

Ментально или сознательно (в согласии с убеждениями и установками) российские эксперты были готовы к вращанию в новую ситуацию, хотя, разумеется, это далось нелегко, ценой собственных, не малых усилий и горьких разочарований.

Анализ показал, что российские и зарубежные эксперты делают разные содержательные акценты, по-разному оценивают трудности и характер адаптации российского населения к радикальным переменам. Не скрою, для меня это было несколько неожиданным. Я не сделаю из этого секрета, тем более что проблема, которая вытекает из этих фактов, является крайне важной в социальном и международном смыслах.

Сошлюсь на Ж. Нива: *Я категорически не согласен с идеей, что адаптация для русского человека была более требовательной, чем для немца, француза или китайца. А между тем от французского крестьянина 1860-х гг. (при Наполеоне III) до резни под Верденом, до оккупации в 1940-1944 гг., до утраты колонии, до массовой урбанизации — путь не менее трудный, чем от русского крепостного человека 1860 года до солдата Первой Мировой, до раскулаченного крестьянина, до солдата Великой Отечественной Войны и до жертвы ваучеров... Но, конечно, не было во Франции самоуничтожения такого масштаба как Гулаг. И не было блокады Ленинграда. Но сегодняшняя адаптация все-таки менее мучительная, это не «геноцид» (как любят выражаться новые националисты, приписывая его Западу...); хотя тогда, в 1930-х гг. был настоящий геноцид, да и еще воспетый литературой, Шолоховым и Панферовым.*

Мне кажется, что молодое поколение [России] неплохо адаптируется и не чувствует такого «принуждения». Даже если оно идеологически заражено какой-то тоской по совершенно ей незнакомому советскому прошлому. Хочу подчеркнуть, что на Западе только и говорится о социальной «непрочности», то есть о вынужденной адаптации нашего младшего поколения. Это поколение входит на рынок труда при совсем других условиях, чем поколение родителей. Разница (большая) с Россией состоит в том, что старшее поколение пользуется социальными привилегиями, в которых оно политически отказывает младшему (посредством политического консерватизма), а частным образом делится с ним. В России происходит нечто обратное. Младшее поколение часто помогает старшему поколению, которое не сумело (не всегда захотело) адаптироваться.

Я полностью согласен с точкой зрения эксперта, а свой вывод изложу позже, подводя итоги всему исследованию.

В21. Несколько лет назад в одном из опросов общественного мнения задавался вопрос: «В сложное переходное время люди по-разному устраивают свою жизнь. А что вы делаете в этом отношении?» и предлагался выбор одной из пяти «подсказок» (1) «Я не могу приспособиться к нынешним переменам»; (2) «Живу, как жил раньше, для меня ничего особенно не изменилось»; (3) «Приходится вертеться, подрабатывать, браться за любое дело, лишь бы обеспечить семье и детям терпимую жизнь»; (4) «Удается использовать новые возможности, начать серьез-

ное дело, добиться большего в жизни»; (5) «Затрудняюсь ответить»». Какой из ответов вы выбрали бы сегодня?

Ответы экспертов-россиян были, как правило, лаконичны и выражались двояко — путем обобщенных и безоценочных выражений типа: «Живу, как считаю нужным» или путем равновероятного присоединения к ответам 3 и 4.

В22. Некоторые исследователи (Л.Гордон) утверждают, что на «запуск» демократии и рынка потребуется не менее 20-30, а то и 50 лет. А так до 2/3 населения с некоторыми вариациями продолжают говорить, что нынешняя жизнь их не устраивает. Значит, мы продолжим жить не в своем времени?

Этот вопрос был навеян работами Ю. Левады, одного из самых блестящих исследователей общественного мнения в нашей стране. Он когда-то прозорливо заметил, что постоянные срывы развития, которые отличают нашу историю, приводят к тому, что в одной точке социального времени и социального пространства скапливается нереализованный опыт многих поколений. В итоге многие люди живут не в своем времени. Казалось бы, безупречная по логике гипотеза, но она нашла поддержку лишь у части экспертов. Привожу мнения несогласных. «Нет, люди все же в большинстве планируют свое будущее, опираясь на собственные ресурсы. Люди живут именно в своем времени, иначе психушки были бы переполнены»; «Если общество атомизируется, то каждый человек оказывается в собственном времени, начинает жить в своей временной нише. К тому же и тенденция гибридизации пока устойчива»; «Мы живём в стране, в которой большинство населения быстро привыкло к дикому капитализму и считает его совершенно нормальным. То, что «жизнь не устраивает», скажет, наверное, любой человек в любой стране, ибо каждый стремится свою жизнь улучшить».

В23: Что бы вы могли бы сказать, завершая наш диалог? С какими чувствами вы выступали в роли эксперта? Что следовало бы изменить в программе исследования, включая интервью?

Мне было очень интересно, хотя и сложно отвечать на эти вопросы. Особенно сложно было отвечать на вопросы о том, что касается «русскости». В целом, я не согласна с идеей о том, что «ментальность россиян сдерживает развитие страны». Тут проблема скорее в неудовлетворительном руководстве страной некомпетентными людьми. Мне кажется, в этой анкете не хватает вопросов, связанных с современной эпохой, с Россией как обществом потребления, с глобализацией, влиянием новых технологий и массовых коммуникаций на национальную идентичность россиян [С. Чуйкина].

Ментальность — тема очень философская. Не уверен, что экспертный опрос уместен [В. Ядов].

Читала и отвечала с чувством эмпатии, сопереживания и заинтересованности. Ментальность, так же как так называемый «национальный характер» — это и миф, и реальность. Полезнее, мне представляется, уходить от рассуждений о мифах и анализировать реальность. Я не знаю, кто были Вашими экспертами. Но я бы включила топ-менеджеров, умных предпринимателей, продвинутых молодых социологов, студентов. Из интервью, которые я брала у представителей региональных элит (230 чел), я видела, что категории «общинность», «покорность», «терпеливость», «приспособление» у них вообще не встречаются. Доминируют ценности: «знания», «профессионализм», «готовность к риску», «ориентация на свои силы». И только у высшей бюрократии, как и у простых людей патернализм. Но он разного смысла. Изменение базовых ценностей мне кажется основным трендом. Всего Вам доброго на трудном пути [Л. Дробижева].

Спасибо, что дал высказаться [Б. Докторов].

Прежде всего, это чувство беспокойства и досады, вызванное либо столкновением с мифологиями упадка, либо необходимостью думать над насущными и большими вопросами, от которых привычно отделяться краткими репликами, которые хочется игнорировать или заменять другими. Наверное, в этом есть дополнительное «оправдание» замыслов автора [О.Кен].

Заранее прошу меня простить за мое резкое неприятие ментальности. В этом смысле эксперт из меня никакой, да я и не пытаюсь им быть. Как мы с Вами говорили по телефону, поскольку исходные положения, и, прежде всего, само понятие ментальности, мне не кажется продуктивным, я ограничился лишь несколькими комментариями, которые не позволяют мне выступить в роли эксперта [А. Байбурина].

This was an extremely interesting task, I tried to clarify many important questions to myself which I had not reflected as much before. Sometimes I felt like a выпускник вуза during the final examinations: I should have known all the answers but could not really find the right ones just now! Spasibo, Boris! [Ю. Проноу].

Скажу только еще одно — мое понимание ментальности, или сознания. Она или оно состоит из нескольких блоков, значимость которых в конкретной ментальности меняется во времени и от общества к обществу. Эти блоки следующие: 1. традиции недавнего прошлого; 2. традиции длительные (культура); 3. традиции групп: этнические, социальные, профессиональные; 4. текущая политическая, социальная и экономическая реальность; 5. сила господствующей над индивидом идеологии и религии; 6. степень страха, санкции за несогласие с идеологией и традициями [В. Шляпентох].

Мне было очень интересно размышлять об этих «проклятых вопросах», хотя на особенную экспертизу я не претендую. Что касается программы, то она, по-моему, исчерпывающая, даже, может быть, слишком (несколько пугают размеры вопросника, не думаю, что у всех будет время ответить подробно — на это потребуется 7-8 рабочих дней). К тому же, я несколько колебалась (и, думается, эти колебания вызваны характером вопросника) в том, чего от меня ждут: автодокументальной прозы, отрывков из рассказов путешественника, или теоретических размышлений? Конечно, характер этого вопросника двойной, но можно было бы разделить вопросы более четко по ориентации. Имею предложение по части содержания: включить в начале пару вопросов про автобиографию эксперта. Очень интересно было бы понять, сколько времени иностранные исследователи проводили в России, как часто они общаются с русскими и в каких обстоятельствах, кто из русских бывал за границей и в каких обстоятельствах, знают ли они (и до какой степени) иностранные языки, какие работы иностранных исследователей они считают интересными (если такие существуют). Такие детали ярко характеризуют жизненный опыт информанта и склад его ума [К. Келли].

Общие научные итоги исследования.

1. Изучение ментальности уже сейчас может привести к некоторым важным результатам, несмотря на то, что само понятие ментальности и аппарат ее эмпирического изучения остаются мало разработанными (на что обратили внимание многие эксперты). Данное обстоятельство является причиной появления в научном сообществе двух полярных групп. Одна часть исследователей (назовем ее группой риска), считает не только возможным, но и нужным продолжать научный поиск. Другая группа (скептики) пока воздерживается от того, чтобы вво-

дить понятие в научный оборот пока не будут разработаны подходы к операционализации понятия и, соответственно, методы, позволяющие надежно измерять свойства ментальности. Не случайно, что несколько ученых поставили под сомнение обоснованность ряда идей проекта. Точка зрения одного из них приведена в откликах на экспертный опрос.

Полемика в научной среде — дело естественное, как и инакомыслие спорящих сторон. Пройдя через сложный теоретический и эмпирический опыт проекта, я подтверждаю свою исходную позицию. В расплывчатости нынешних определений ментальности и форм ее бытия заключены определенные преимущества, например возможность, ухватывать в анализе «нечто», ускользающее до сей поры от многих исследователей. Ментальность следует интенсивно изучать, несмотря на то, что в сегодняшних условиях накопленное о ней знание опирается скорее на догадки, чем на верифицированные представления. Современному научному сообществу по силам найти выход из этих познавательных тупиков.

2. Мой оптимистический вывод о познаваемости ментальности опирается, в частности, на результаты совместного труда привлеченных экспертов. Они внесли свой вклад в общее (скажу больше — международное) дело изучения ментальности. Я благодарен им, прежде всего за то, что они поколебали мою, казалось, непогрешимую уверенность в российском происхождении ее гибридности. Как было замечено одним из них, *нынешний гибридный русский человек с двумя национальными флагами, тоскующий по советской цивилизации, но обладающий невероятным умением адаптироваться, этот русский человек не особенно «страдает» от гибридности. Раздвоение символики, тоска по несуществовавшему советскому эльдорадо — вполне понятные попытки пережить резкие перемены без шизофрении или без депрессии* [О. Кен]. Главное видится в том, что по большинству проблем, намеченных программой экспертного опроса, «инсайдеры» и «аутсайдеры», имели если не совпадающие, то близкие точки зрения. Эта близость взглядов дает основание уверенно смотреть **на развитие, прежде всего, сравнительных (межкультурных) исследований ментальности.**

3. Выводом-вызовом российским ученым считаю слова Ж. Нива о том, что *нынешняя русская диаспора (СНГ и дальше зарубежье) это органическая часть России за пределами России. Но в политике нынешней российской власти налицо две позиции. Первая — неоимпериалистическая («великодержавная») тоска по границам империи; угрозы, конфронтация с помощью советского стиля. Вторая более умная. Это — это культурное сотрудничество, культурный обмен, пусть даже культурный империализм. Но постоянный комплекс неполноценности русских (и власти) мешает гармоничному развитию нового (второго) подхода. «Россия-1» не сознает, что у нее есть «Россия-2», и что это может стать большим вкладом в национальную жизнь.* **Еще одним направлением научного анализа могло бы стать изучение ментальных миров двух названных Россией.**

4. Необходимо подчеркнуть роль поколенческой переменной в изменениях ментальности. Наряду с социальной или экономической причинностью есть еще над-детерминизм, некий фактор, который хотя и порожден макро-обстоятельствами социального и экономического порядка, в чистом виде их «дериватов» (составляющих) не содержит. Таким фактором является поколенческая причинность, способная быть вектором, стимулом развития. Ее экстерриториальность в социальном пространстве, равно как и потенциал влияния на ментальность, налицо. Даже небольшая группа молодых экспертов, привлеченных к участию в проекте, смогла своими ответами убедить меня,

что молодое поколение способно радикально менять ситуацию в обществе. **Сравнительный анализ ментальностей различных поколений России — третье актуальное направление научного поиска.**

5. Проект позволил наметить путь познания ментальности через сопоставление представлений «инсайдеров» или «аутсайдеров». *Отражать или комментировать эти представления не представляет больших проблем. Поэтому, те исследования западных ученых, вызывают самый большой восторг у русских, в которых русская ментальность представляется словами современной русской интеллигенции (например, книга N. Ries. Russian Talk). И, наоборот, на Западе очень ценят работы, которые основаны на пересказе официальных трактатов о поведении (например — книга О. Хархордина The Collective and the Individual in Soviet Culture). Тем не менее, у каждого человека, долго знающего Россию или живущего в ней, существуют представления о том, что «действительно» специфично в этой стране [К. Келли]. Пользуясь методом аналитического пересказа описаний, можно уловить следы «вторичного бытия» ментальности и производить ее реконструкцию.*

6. Совместный труд российских и зарубежных экспертов позволил выявить одну важную закономерность восприятия российской (русской) ментальности). **Зарубежные эксперты глубже, критичнее судят «со стороны» о ментальных мирах россиян, демонстрируя апрорные преимущества внешнего наблюдения перед внутренней саморефлексией россиянами (русскими) свойств их ментальности.**

«Заостренность, прицельность, точность замечаний «извне» имеет объяснение. Бездоказательная апология «особого пути» развития, без ссылок на примеры, достойные подражания, без инноваций, которые бы стремились взять на вооружение наши западные партнеры и оппоненты, способны только повредить международной репутации Российского государства и общества. Чем настойчивее российские представители (ученые здесь не составят исключение) подчеркивают особость российского пути, тем заметнее им оппонирует западное профессиональное мнение, среда (научная, в том числе), с которой издавна, традиционно поддерживаются и развиваются отношения кооперации и сотрудничества. **В наше время происходит переопределение смысла отношений между разными странами. Замечу, что**

этот процесс начинается в ментальных структурах, на дологическом уровне, чем лишний раз подчеркивается важность их анализа. С другой стороны, он является следствием глобализации, которая заметно и постоянно смещает «традиционные» места» разных стран, их народов и их лидеров в представлениях граждан других стран. Их ментальность хранит и обновляет образы «своих» и «чужих», оказывая влияние на международный климат нашей планеты.

Автор сердечно благодарит Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. Макаруров и Московское представительство Фонда за поддержку проекта. Автор считает своим долгом выразить признательность ректорату Европейского университета в Санкт-Петербурге за создание условий для успешной работы над проектом и всем зарубежным и российским ученым за активное и многогранное участие в экспертном опросе.

Библиография авторских публикаций по исследованию:

- (1). Ментальные миры современного российского населения // Телескоп, 2003, N4 С. 2-9.
- (2). Ментальные миры современного российского населения (статья вторая) // Телескоп, 2004, N5. С. 2-8.
- (2а). Ментальные миры современного российского населения // Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. — М.: Наука, 2005 — С. 373-394.
- (3). Ментальность россиян сдерживает развитие страны // Пути России: существующие ограничения и возможные варианты / Под общ. ред. Т.Е. Ворожейкиной. — М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2004. С. 269-275.
- (4). Гибридность идеологии затянувшегося перехода от «старой цельности» к «небывшей жизни» // Пути России: двадцать лет перемен / Под общей ред. Т.Е. Ворожейкиной. — М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2005. — С. 288-294.
- (5). Рабочие материалы проекта «Ментальные миры современного российского населения». Выпуск первый. I. Комментарии к программе экспертного опроса. II. План интервью с экспертами. III. Основная литература. — СПб, 2006 (mimeo) (вариант для внутренней экспертизы).
- (5а). То же для внешней экспертизы.